

§12 ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Егорова М.А.

ЧЕЛОВЕК В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

***Аннотация.** Предметом исследования данной работы является рассмотрение процесса самоидентификации, протекающего на фоне формирования мультикультурного общества с его многогранностью, и, в то же время, со специфическими проблемами, свойственными такому типу социального построения. Затрагиваются теоретические и практические аспекты проблемы мультикультурализма и самоидентификации в мультикультурном пространстве. Рассматривается мультикультурализм как схема общественного устройства в различных странах мира, в особенности в странах Западной Европы и Европейского Союза. Предпринимается попытка проследить взаимодействие различных групп в рамках мультикультурных обществ в других регионах мира, в частности, в Азии (акцент делается на рассмотрении Китая и Тайваня). Научная новизна статьи заключается в попытке автора исследовать природу мультикультурализма и проблему самоидентификации человека в мультикультурном обществе на макроуровне и одновременно делается попытка исследовать проблему на микроуровне (то есть на уровне отдельных личностей). Автор рассматривает различные регионы мира, давая возможность читателю увидеть проблему в ее широком географическом преломлении, а именно: на Западе и на Востоке. Таким образом, новизна статьи заключается в том числе и в ее компаративиской составляющей. Сделан вывод о необходимости поиска комплексного подхода со стороны принимающих обществ по интеграции не только групп в принимающее общество, но и работа в отношении отдельных личностей (на уровне школы, института, центров по изучению языка и культуры принимающего общества и т.д.).*

***Ключевые слова:** самоидентификация, нация, религия, культура, идентичность, глобализация, мультикультурализм, конфликт, интеграция, диалог цивилизаций.*

Abstract. *The subject of this research is the examination of the process of self-identification taking place during the formation of multicultural society with its diversity, and at the same time, specific issues common to such type of social structure. The author touches upon the theoretical and practical aspects of the problem of multiculturalism and self-identification within the multicultural space. Multiculturalism is also being views as the scheme of social structure in different countries of the world, particularly in the countries of Western Europe and European Union. An attempt is made to pursue correlation between the various groups within the framework of multicultural societies in other regions of the world, namely in Asia (accent is made on China and Taiwan). The scientific novelty consists in the author's attempt to explore the nature of multiculturalism and the problem of self-identification of a human in the multicultural society on the macro-level, and simultaneously on the micro-level, in other words, on the level of separate individuals. The conclusion is made on the necessity to search a comprehensive approach from the side of the hosting societies on integration into the society, as well as with regards to specific individuals (on the level of schools, colleges, language centers, etc.).*

Key words: *conflict, self-identification, nation, religion, culture, identity, globalization, multiculturalism, integration, dialogue of civilizations.*

Предметом исследования данной работы является рассмотрение двух взаимосвязанных процессов: самоидентификации на фоне формирования мультикультурного общества с его многогранностью, и, в то же время, со специфическими проблемами, свойственными такому типу социального построения. Подобная структура особым образом отражается на каждой личности в отдельности, заставляя человека глубже вглядываться в то, кем он является по отношению к окружающему миру.

Затрагиваются теоретические и практические аспекты проблемы мультикультурализма и самоидентификации в мультикультурном пространстве. Рассматривается мультикультурализм как схема общественного устройства в различных странах мира, в особенности в странах Западной Европы и Европейского Союза в частности, где характер мультикультурализма проявился наиболее ярко.

Предпринимается попытка проследить взаимодействие различных групп в рамках мультикультурных обществ в других регионах мира, в частности, в Азии (акцент делается на рассмотрении Китая и Тайваня).

Сделан вывод о необходимости поиска комплексного подхода со стороны принимающих обществ по интеграции не только групп в при-

нимающее общество, но и работа в отношении отдельных личностей (на уровне школы, института, центров по изучению языка и культуры принимающего общества и т.д.).

Статья будет полезна широкому кругу читателей, интересующихся природой полиэтнических, многонациональных и мультирелигиозных обществ, в том числе и в России.

Мультикультурализм на Западе

Мультикультурализм сегодня практически равен понятиям «Западные страны» и «Европейский Союз» как геополитическому пространству, объединенному набором сходных ценностей и критериев подхода к личности и обществу.

Родившись на Западе, этот термин стал альтернативой проводившейся в США и Канаде политики «большого котла», в котором должны были плавиться иммигранты из разных стран мира. Попадая в США или Канаду, они оставляли в прошлом не только свою жизнь до отъезда на новую родину, но и свою предыдущее гражданство и свою национальную или этническую принадлежность, становясь американцами или канадцами соответственно.

Для стран Старого Света подход «правильного котла» не везде был возможен. Это было связано, прежде всего, с тем, что хлынувший в

Европу после распада колониальной системы поток беженцев и иммигрантов, вливался не в общество, которое изначально состояло только из когда-то приехавших на эту территорию людей, как в случае с США и Канадой, а в более монолитные общества с длительной историей, богатой многовековой культурой и менее гибким, чем в Новом Свете, менталитетом.

Для европейских стран приток иммигрантов стал настоящим вызовом, на который нужно было найти ответ, укладывающийся в рамки «демократического подхода». Из стран Западной Европы лишь Франция на протяжении всей своей истории как единого государства наработала наибольший опыт и сформировала сильные традиции в области унификации национального состава на своей территории. На протяжении последних десятилетий Париж пытается балансировать между соблюдением культурных и языковых прав регионов и жесткой политической централизацией. Надо отметить, что Франция изначально развивалась как страна с сильным центром при развитом регионализме (особенно языковом), который на протяжении всей истории единого французского государства стремился подавлять регионы, в том числе и те, где проживают национальные меньшинства (Корсика, Бретань, Северная Страна Басков – часть департамента Атлантических Пиреней).

Таким образом, 70-80-е гг. на Западе ознаменовались зарождением новой концепции взаимодействия представителей различных народов и культур в рамках отдельных по большей части изначально сложившихся как мононациональные государств и Европейского союза в целом. Эта концепция, получившая название «мультикультурализм», предполагала, что представители различных наций и этносов мирно сосуществуют в рамках социума, уважают и узнают традиции и обычаи каждого из национальных сегментов общества, и, признавая себя гражданином или будущим гражданином принимающего государства, сохраняют свою национальную идентичность, свою культуру, религию и традиции.

Процессы глобализации и культурной интеграции позволили говорить о зримом возникновении единого поля общечеловеческой культуры. В мире практически не осталось чистых этниче-

ских культур. Но именно усилившаяся взаимосвязь мирового сообщества обостряет интерес к культурной самобытности. Следовательно, несмотря на процессы интеграции потребность в этнической самоидентификации остается очень устойчивой [1].

Всплеск этничности – это защитная реакция человеческой психики на сложность, обезличенность, неустойчивость современной жизни. В современном обществе человек одновременно входит во множество групп, модели поведения которых могут даже противоречить друг другу. Поэтому стремление к стабильности становится значимым мотивом поведения. Обращение же к глубинным этническим ценностям восполняет человеческую потребность в устойчивых жизненных ориентирах. Для человека этнос начинает играть роль информационного фильтра. Весь поток информации структурируется картиной мира, основу которой составляют этнические ценности-константы, лежащие в бессознательном слое человеческой психики. Только когда реальность слишком явно не укладывается в уже существующую картину мира, этнос начинает формировать новую, стараясь все же сохранить свои прежние мировоззренческие константы [2].

По мнению политолога Патрика Дж. Бьюкенена сейчас мы наблюдаем «умирание национальных государств. Люди отвернулись от них и обратили свою преданность, лояльность и любовь вверх, к зарождающимся транснациональными режимам, и вниз, к субнациям, из которых они вышли, настоящим нациям, объединенным кровью и землей, языком, литературой, историей, верой, традицией и памятью» [3].

Изменение границ государств, войны, глобализация, финансовые кризисы и другие катаклизмы и перемены, такие, как интенсификация транспортных потоков, трудовая миграция, нелегальный бизнес трафика людских ресурсов и другие, привели к множественному переселению людей из разных в основном малообеспеченных стран с низким уровнем жизни в более экономически развитые. Основными принимающими странами стали те, у которых были упрощенные правила въезда для иммигрантов и вынужденных переселенцев, такие, как США, Канада, Австралия, некоторые страны Европы.

Безусловно, люди иммигрируют и в разные другие страны, например, из стран, охваченных военными конфликтами, бегут в сопредельные. Из страны, где мало возможности найти работу или начать свой бизнес, переезжают туда, где уже есть своя национальная община (диаспора) и где более благоприятные условия для поиска работы или ведения бизнеса (например, многочисленный отток китайцев в соседние страны с более высоким уровнем жизни, где уже исторически существуют китайские диаспоры (Сингапур, Малайзия, Индонезия и др.)), был во многом связан со стремлением китайцев к организации своего дела, что является в китайском цивилизационном пространстве синонимом богатства и успеха.

Для разных стран проблема взаимодействия иммигрантов стран между собой и с принимающей нацией изначально складывалась по-разному. Где-то отношение было изначально терпимым, благодаря различным окружающим условиям (например, в Австралии, где наличие достаточных материальных благ сочеталось со строгими правилами въезда и критериями отбора по отношению к въезжающим), где-то менее терпимо (Малайзия болезненно реагировала на увеличивающееся число китайцев, которые, участвуя в этническом бизнесе, быстро захватывали рычаги влияния на местную власть, подминали под себя финансовые ресурсы, и, в конце концов, начали пытаться влиять на малайзийскую политику).

Однако отдельно надо выделить страны, чья общественно-политическая жизнь строилась на принципах демократии, и для которых «плавильный котел» либо «мультикультурализм» были основными условиями, на которых необходимо было выстраивать отношения внутри все более диверсифицирующихся по национальному и религиозному принципу обществ.

Мультикультурализм: многообразие без единства

Идеи мультикультурализма несли в себе ценные крупинки важных истин, которые, будучи посаженными на почвы различных стран (европейских и не только) дали совсем не те всходы, которых многие от них ждали.

Мультикультурализм, который был предложен «сверху» правительствами европейских государств, должен был служить альтернативой ассимиляции. Он предлагал «мягкую» интеграцию иммигрантов из разных стран в принимающее мононациональное общество с сохранением их традиций, обычаев и вероисповедания. Такой подход должен был позволить сохранению их национального самосознания при изменении гражданства.

Девизом мультикультурализма стала формула «единство в многообразии». Идеалом виделось процветающее государство, в котором проживают различные нации и этносы, которые не только мирно уживаются друг с другом, но и интегрированы в жизнь государствообразующей нации, которая в свою очередь, принимает иммигрантов, видя в них не только приток рабочей силы, но и источник, приносящий с собой различные культуры, которые, как источники реки, питают реку – культуру данного государства, обогащая и разнообразя ее.

Одним из основных условий мультикультурализма стало требование не только признавать существование других культур, отличных от культуры доминирующей нации, но и уважать чужие. Таким образом, подчеркивается разделение в понимании «признания» и «уважения» в отношении мультикультурализма, т.к. одно следует за другим, но одно не возможно без другого. Реальность оказалась далекой от идеала: во многих мультикультурных странах, в особенности входящих в Европейский Союз, большими усилиями был достигнут определенный уровень признания вливающих культур, однако, следующий шаг – к уважению – сделать оказалось крайне не просто. Вряд ли некоторые аспекты чужих культур вообще могут быть когда-либо приняты и тем более уважаемы со стороны «западных» людей. Например, ношение хиджаба или ставшее уже печально известным угнетенное положение женщин в мусульманской семье являются одними из самых острых тем в западных мультикультурных обществах.

Низкий уровень рождаемости в государствообразующей нации, тенденция к ее старению, экономический спад 2000-ых, рост терроризма, высокий темп рождаемости среди большинства

иммигрантов, особенно арабского, африканского, мексиканского и китайского происхождения, и ряд других факторов привели к тому, что принимающие общества, очнувшись, оказались перед одной из главных проблем последних лет: мультикультурализм или как ужиться в одном государстве тем, кто ужиться вместе в принципе не может уже хотя бы потому, что существующие «разногласия непреодолимы». Но «откатить» ситуацию назад оказывается совсем не просто, если не сказать невозможно.

Пресловутая проблема нехватки рабочей силы привела к тому, что во многих странах (в особенности в Западной Европе) ряд сфер полностью захвачен иммигрантами. Например, в Испании в сельском хозяйстве трудятся выходцы из стран Северной Африки, Центральной Америки и Восточной Европы, в Германии строителями работают поляки, в Италии социальные работники, няни, сиделки – гражданки Украины и Молдовы.

Многие иммигранты вообще предпочитают не работать, т.к. изначально пособие по безработице было столь большим, что выгоднее было оставаться безработным, чем работать и получать намного меньше, чем размер государственного пособия. Незанятые ничем молодые люди предпочитают проводить время ничего не делая, что приводит к тому, что они обращаются к нелегальным видам деятельности, и это влечет за собой нарушение закона и рост преступности в местах их компактного проживания, а затем и в целом по стране. Например, согласно исследованиям, рост преступности в Италии был связан с увеличением в этой стране в 2000-ые годы числа выходцев из стран Магриба, тропической Африки и цыган из Румынии [4].

Увеличение в странах-реципиентах числа иммигрантов, главным образом чернорабочих, людей без образования, с низким культурным и часто моральным уровнем приводит к росту нестабильности и преступности, а вслед за этим всплеску национализма и, особенно в последнее время, фашизма и экстремизма. Такая ситуация характерна для всей Западной Европы, но особенно остро проблема стоит в странах неофашистской оси – Германии, Австрии и Италии (в последней крайне остро [5]). При этом страны

Восточной Европы тоже не могут остаться в стороне от происходящего, т.к. отток рабочих рук из этих стран на запад Европы влечет за собой нехватку кадров в самих этих странах [1].

Иммигранты обвиняют принимающее общество в их неприятии, расизме, национализме, ксенофобии. Однако сейчас все более очевидно, что сами иммигранты, переселяясь в новую для себя страну, мало готовы воспринимать ее как свою новую родину. И это касается не только огромного числа нелегальных иммигрантов. Меньшая часть переселенцев знает язык принимающего государства на том уровне, который позволял бы им учиться и работать, встроиться в систему. Мало кто из них вообще хотел бы учиться, т.к. их цель скорее выйти в общество и начать работать, чтобы позволить себе хотя бы примерно жить так, как, они видят, живут представители государствообразующей нации, а зачастую и для того, чтобы отправлять заработанные деньги оставшимся на прежней родине семье или родственникам.

Культурно-религиозная составляющая проблемы мультикультурализма также в первую очередь сводится к всплеску антиисламских антимусульманских настроений. Для многих европейцев мусульмане и их религия несут опасность европейскому благополучию, т.к. исламская религия способствует очень быстрому увеличению мусульманского населения, часть которого, особенно молодежь, объективно видится агрессивной и опасной. Сравнивая свой уровень жизни и свое положение в обществе с уровнем жизни и положением коренных европейцев, мусульмане (часто в смывке с выходцами из стран Магриба и Тропической Африки) начинают выплескивать свое разочарование на улицах европейских городов (уличные погромы в 2005 г. в Париже, Бельгии, Германии, Дании), открыто делая вызов принявшим их обществам. Отсутствие жизненных перспектив, разочарование, низкий уровень образования и культуры заставляют их искать прибежище в религии, чем пользуются радикальные исламские проповедники, призывая молодежь к «священной войне» с неверными [1].

Все это создает полосу отчуждения, неприятие обеих сторон друг друга, порочный круг

непонимания и агрессии. К тому же, обычно в страны Европы приезжают люди низко-квалифицированного труда, чернорабочие или люди вообще без какой-либо профессии. В условиях экономического кризиса рабочие места сокращаются, что в первую очередь больно бьет по иммигрантам, особенно нелегальным. Лишившись возможности устроиться на работу, даже те, кто хотел работать, устремляются в подпольные сферы, сколачиваются в банды (особенно много молодежных банд), занимаются разбоями, грабежами, насилием и убийствами [1].

Существует мнение, что страны Европы мало делают для создания условий интеграции иммигрантов в общество. Однако, на наш взгляд, более реалистичным является мнение, что сами иммигранты, особенно арабы и африканцы, в своем большинстве не хотят инкорпорироваться в систему, принимать местную культуру, традиции и обычаи, учить язык и работать, предпочитая заниматься криминальным бизнесом или жить на государственное пособие по безработице.

Таким образом, процесс самоидентификации иммигрантов в принимающем их мультикультурном обществе протекает за рамками этого общества. П. Дж. Бьюкенен указывает, что «арабы и турки в Европе все больше идентифицируют себя с исламской верой, которая их объединяет, и с теми странами, откуда они приехали, а не с той, в которой они живут и работают» [3].

Во многих странах до сих пор существовали минимальные требования к уровню владения языком иммигрантами, не говоря уже о том, чтобы они знали что-то об истории и культуре принимающего государства. И это при том, что значительно большую часть иммигрантов составляют люди с низким уровнем образования или вообще без него. Их прибежищем становится религия в ее самых радикальных формах.

Особенно тяжело в принимающем обществе воспринимают приезжих, исповедующих ислам. Реакцией на приток мигрантов мусульман и рост их политических и экономических требований стало то, что как радикально настроенные представители государствообразующих наций, так и этнические меньшинства, исконно проживающих в этих государствах, начали все чаще

обращаться к неохристианству с примешиванием туда неоязычества (кельтских и друидских культов). Они мифологизируют или популяризируют страницы своей истории, укрепляясь в понимании своей значимости, а для этнических меньшинств это стало основанием для претензий к большей независимости (например, Лига Севера апеллирует к кельтскому прошлому Падании, подчеркивая тем самым то, что народ Падании этнически отличается от жителей центра и юга Италии) [5].

Таким образом, можно говорить о том, что в процессе поиска своей этнической идентичности многие люди, разочаровавшись в мультикультурной политике своих государств, предпочитают ассоциировать себя даже не со своей нацией, размытой представителями других культур, а со своими историческими предками.

В поисках «себя» многие пытаются обращаться к религии, усматривая в ней один из путей самоидентификации. На фоне мультикультуризации Европы, а также глобализации и европейской интеграции вопрос о религиозной составляющей в европейском сообществе, где религия последние десятилетия сильно потеряла свои позиции, снова обретает свою актуальность. Немало этому способствовал и идущий параллельно с этим процесс исламизации мира и Европы в частности.

Преыдущий глава Римско-Католической Церкви консерватор Бенедикт XVI, безусловно, не мог предложить адекватный ответ на вызовы времени, поэтому его роль свелась к тому, что он стал «переходным» Папой. Умелый администратор, он сумел организовать переход Католической Церкви в новую эпоху после Иоанна Павла II, однако он так и не смог сделать прорыв для того, чтобы Церковь стать опорой европейской христианской идентичности в условиях дехристианизации Европы. В связи с этим особые надежды возлагаются на его преемника Папу Римского Франциска, который считается более либеральным, способным привлечь в лоно религии новых последователей и поднять престиж Католической Церкви после ряда скандалов (финансовых, этических и др.), разразившихся в период нахождения во главе Церкви его предшественника.

Рост террористических атак по всему миру и тот факт, что за ними в большинстве своем стоят различные мусульманские организации привели к тому, что по всему миру наметились непреодолимые линии разлома, одни из которых проходят по границе Запада и Востока, другие по границам между христианской и нехристианской цивилизациями, и по границам между богатыми и бедными регионами мира. Каждая из этих линий разлома отразилась на мультикультурных обществах, став шрамом, который уже невозможно скрыть. В Западной Европе и многих странах других регионов мира все громче и все смелее стали говорить о провале идеи мультикультурализма. Мультикультурный диалог зашел в тупик.

В мультикультурном обществе представители различных культур в рамках своей группы связаны между собой общим языком, который не только служит универсальным кодом общения в рамках культурной общности, но и является виртуальной границей, отделяющей данную культурную и лингвистическую общность от другой.

Диалог служит важным средством, используемым для выстраивания толерантных отношений, основанных на взаимоуважении и взаимопонимании. Однако на сегодня очевидным становится невозможность выстраивания подобных отношений в мультикультурных обществах, за исключением, пожалуй, американского и канадского обществ, чьим ключевым отличительным моментом является сам принцип их формирования. Если американское и канадское общества изначально формировались как мультикультурные, то, например, европейские страны с самого момента их зарождения состояли из мононации или государствообразующей нации и тех этнических меньшинств, которые проживали на территории данных государств исторически. Мультикультурализация таких государств была «неестественной» и насаждалась, зачастую, против воли части радикально настроенного сегмента общества, и если в начале мультикультурного проекта такой радикально настроенный сегмент был сравнительно невелик, то в последние годы наблюдается колоссальный рост негативно настроенных граждан, что в свою

очередь приводит к росту популярности националистических и антииммиграционных ультраправых партий.

Несколько европейских лидеров – нынешний канцлер Германии А. Меркель, экс-президент Франции Н. Саркози и нынешний премьер-министр Великобритании Д. Камерон открыто заявили о провале идеи мультикультурализма (которая презрительно стала называться «мульти-культи») и о необходимости корректировки политики в этом направлении [6]. Был поднят вопрос о необходимости государственной главенствующей (лидирующей) культуры, которая должна доминировать в обществе.

Мультикультурализм в Азии

Для азиатского культурного пространства (в особенности Юго-Восточной Азии) полиэтничность является исторически сложившейся данностью, что в свою очередь, способствовало достаточно высокой степени азиатской терпимости в отношении различных этнических меньшинств, религий и культур и это в условиях отсутствия демократических идей, свойственных большинству европейских государств. Безусловно, немало способствовали подобной толерантности и такие факторы, как терпимость, свойственная буддийской религии, а также низкий уровень иммиграции в большинство этих стран, которые не являлись желанным объектом иммиграции. Соответственно, их полиэтничность была исторически сложившейся, а не результатом иммиграционных процессов.

Однако в к. XIX – н. XX вв. массовые переселения людей все же начали происходить и в Азии. Основной поток иммигрантов шел из Китая в соседние страны региона: Сингапур, Малайзию, Индонезию, Филиппины и др., что немало способствовало росту антикитайских настроений в регионе, в особенности в Малайзии, где неоднократно проходили массовые антикитайские акции протеста, а правительство было вынуждено принять ряд мер, направленных на ослабление влияния китайской диаспоры в стране [7].

Что касается самого Китая, то уровень толерантности в стране относительно высок. Почти 95% населения страны позиционируют себя как

национальность «хань», хотя Китай занимает столь обширную территорию, и очевидно, что на ней исконно проживали разные этнические группы. По всей видимости, длительная история этого государства, которое по некоторым оценкам оформилось как единое около 2000 лет назад, способствовала тому, что этносы были на достаточно раннем этапе объединены в мононацию в рамках империи, власть в которой всегда была направлена на политическую централизацию и этническую унификацию. Это, в свою очередь, сформировало сильнейшее чувство национальной идентичности китайцев, под которыми, главным образом, подразумевается государствообразующая национальность «хань», населяющая всю восточную часть Китая. И хотя западные «неханьские» территории составляют почти половину территории страны, на них проживает чуть более 5% этнически неоднородных, «неханьских» граждан Китая.

Таким образом, можно говорить о том, что почти 95% населения много веков назад уже сложились в единую нацию, сформировав крепкую общность этнической идентичности, а исторически сравнительно недавно присоединенные западные территории не способны разбавить и расшатать коллективную однородную идентичность ханьцев. Все, кто не являлся ханьцами, рассматривались в качестве варваров, соответственно, стать ханьцем было равнозначно стать частью цивилизованного народа и единицей великой империи.

С момента начала реформ открытости в 1978 г. в страну стало приезжать большее количество иностранцев. В свою очередь, китайцы начали массово эмигрировать, выезжать в другие страны для ведения бизнеса или на учебу. Это привело к расширению их контактов с иностранцами, причем не только с европейцами, но и с африканцами, латиноамериканцами, арабами и гражданами из разных стран Океании и Юго-Восточной Азии. Надо отметить, что для китайцев их собственное восприятие себя как давно сложившейся единой нации «хань» способствует тому, что и представителей других стран они склонны рассматривались скорее «континентально», нежели «по-страново». Например, китайцы склонны представителей Африки воспри-

нимать в целом как африканцев, а не как граждан той или иной африканской страны. Европейцы в их глазах скорее граждане Европейского союза. Для китайцев слишком мелко и геополитически необоснованно рассматривать европейцев через призму их гражданства. Что такое для китайцев нынешние европейские страны, погруженные в долговые кризисы, по сравнению с возрастающей мощью Китая?

Китайская Республика Тайвань де-факто не зависима от Китая, однако, в последние годы она переживает мощный приток китайцев с материка, что бросает вызов независимости Тайваня и проверяет на прочность этническое самосознание тайваньцев. Приезжающие на остров китайцы в целом подразделяются на две основные группы: богатые бизнесмены и инвесторы, скупающие контрольные пакеты акций крупных тайваньских компаний (в т.ч. СМИ), и дешевая, обычно нелегальная, рабочая сила с материка (в т.ч. занятая в криминальном бизнесе: проституции, торговли людьми, наркоторговли и т.п.).

И хотя тайваньцы, как и китайцы, относят себя к общему понятию «хуа» (т.н. «китайский мир»), наблюдая иммигрантов с материка, они все больше осознают себя как «улучшенный вариант» представителей «китайского мира», тем самым укрепляя в своем национальном самосознании понятия о независимости и своей государственной самостоятельности.

Тайвань на протяжении всего периода конца XX в. переживал активный экономический подъем, став одним из четырех «азиатских тигров». Это привлекло на остров огромное количество иммигрантов из стран Юго-Восточной Азии, таких как Филиппины, Индонезия, Вьетнам, Малайзия, Таиланд и др. Они в основном занимаются тяжелым грязным трудом, куда не идут тайваньцы, а также работают в сфере ухода за пожилыми и больными людьми. Многие фирмы предпочитают завозить дешевую рабочую силу из этих стран, чем нанимать высококвалифицированных тайваньцев, претендующих на достойную оплату своего труда. Большинство иммигрантов не имеет разрешение на работу, а те, кто имеют, после окончания срока разрешения все равно не возвращаются на родину, предпочитая оставаться на Тайване нелегально.

Таким образом, можно говорить о том, что проблема мультикультурализма на Тайване мало чем отличается от таковой в Западной Европе. Однако большая терпимость буддийско-конфуцианской цивилизации способствует сглаженности в межкультурных и межэтнических отношениях. При этом, азиатские иммигранты на Тайване не выдвигают чересчур активно политических и экономических требований для улучшения своего положения, что отличает ситуацию от той, которую мы наблюдаем в Западной Европе. По всей видимости, это также связано и с теми демократическими установками, свойственными Западной Европе, а также с большим вниманием, которое там пытаются уделять «правам человека» и «правам беженцев и вынужденных переселенцев».

Наряду с этим, как в Китае, так и на Тайване (хоть и в меньшей степени) огромная численность населения «хуа» – носителя собственного культурно-цивилизационного самосознания является преградой к действительному построению там мультикультурных обществ вне зависимости от количества иммигрантов.

Идентичность и самоидентификация

Проблема мультикультурализма служит фоном к двум взаимосвязанным процессам: идентичности и самоидентификации личности.

Идентичность это тот набор кодов и символов, которые позволяют человеку находить свое место в обществе, является ли это тем обществом, где он родился, или тем обществом, где он проживает по тем или иным причинам. Люди идентифицируют друг-друга по этому негласному набору кодов, определяя место друг-друга в различных социальных сегментах, тем самым выстраивая свое первичное понимание и представление друг о друге.

Идентичность бывает разных видов: гендерная, расовая, этническая, религиозная, культурная и др., но нас в данной статье интересуют те ее виды, которые проявляются особенно ярко именно на фоне мультикультурализма в обществе, т.е. это главным образом этническая, культурная и религиозная виды идентичности. Они составляют основной круг тем данной работы,

оставляя за скобками другие виды идентичности как в данном случае более второстепенные по отношению к основной теме статьи.

Надо отметить, что в человеке существует не одна идентичность, а несколько, которые проявляются с большей или меньшей силой в зависимости от ситуаций, в которых он оказывается. Например, для итальянцев важно идентифицировать себя как представителей Италии, однако, в рамках самой Италии, важной становится их идентификация по месту происхождения. Так, для сицилийца будет очень важным осознание своей сицилийской идентичности, а не итальянской. Кроме того, продолжая рассматривать данный пример можно отметить, что уже в рамках Сицилии, важным будет гендерная идентичность, профессиональная идентичность, языковая и прочие. Более того, за пределами Италии, для многих сицилийцев их идентичность по отношению к малой родине превалирует не только над итальянской идентичностью и над их идентичностью, но и, зачастую, по отношению к новой родине (Например, многие деятели исполнительского искусства, будучи гражданами других стран (или имея двойное гражданство) даже всячески подчеркивают свою сицилийскую идентичность, обыгрывая свое происхождение в своем творчестве или используя мотивы своей малой родины в музыке. Можно вспомнить таких знаменитых сицилийцев как Ф. Синатра, С. Адамо, Р. Аланья и многих других).

Самоидентификация человека – это необходимый элемент развития человеческой личности, который происходит на достаточно ранних этапах личностного формирования и может корректироваться в течение некоторого времени. В отличие от идентификации, самоидентификация коренится внутри личности, от этого ее протекание оказывается крайне болезненным. В случае, если она идет вразрез с идентификацией человека окружающими. Некоторые люди склонны ранимо воспринимать то, кем их видят окружающие, в случае, если они себя считают иными. Например, для человека, склонного считать себя представителем титульной нации, часто бывают неприятны напоминания о том, что он по отцу или матери или даже по обоим родителям этнически не относится к титульной

нации. (Например, можно вспомнить М.Ю. Лермонтова, который много задумывался о том, что он волею судеб отлучен от своей исторической родины Шотландии и далек от своих национальных корней. Этим переживаниям посвящено его стихотворение «Желание»).

Проблема самоидентификации существовала и была важна для каждого человека, вне зависимости от его образовательного, культурного уровня, вероисповедания, политических убеждений или положения в обществе. Напротив, все это лишь «подстегивает» человека искать подходы к осознанию своего «я», к поиску своего места в системе координат общества, в котором ему доводится проживать.

Острота этой необходимости усилилась одновременно с тем, когда общества стали приобретать мультикультурный характер и напоминать мозаичное панно из культур, наций, религий. Таким образом, идентичность стала играть еще большую роль, чем она играла в мононациональных образованиях. Предоставляя новые шансы и возможности, общество-реципиент принимало к себе людей, которые, потеряв связь с прежней родиной, одновременно теряли и свою идентичность. В новых условиях им приходилось выстраивать новую систему жизненных координат через поиск своей идентичности. Становясь одновременно частью нового культурного пространства, а иногда даже и нескольких, человек может оставаться представителем своей национальной культуры. Например, люди, переезжающие жить в Брюссель из других стран, могут воспринять валлонскую и фламандскую культуры, влиться в особое культурное пространство Брюсселя (который стал городом различных наций и культур, с тех пор как в нем разместились штаб-квартиры множества международных организаций и компаний, в которых работают люди со всего мира). Одновременно с этим человек также может оставаться носителем своей национальной культуры или даже нескольких (если он приехал, например, из Сицилии, то может быть одновременно носителем как особой сицилийской, так и в более широком смысле итальянской культуры).

Данный пример видится менее драматичным, т.к. передвижение происходит в рамках Ев-

ропейского Союза, и совсем по-другому звучит проблема, если культурное пространство пополняется представителями совсем чуждых культур, например, из стран Азии или Африки. В таком случае, наряду с кажущимся потенциалом к культурному взаимообогащению, встает острый вопрос о том, как наладить взаимодействие и добрососедское общежитие, избежав непониманий, отчуждений, страха перед «чужим» и даже открытых конфронтаций и столкновений.

Роль языка

Становление самоидентификации возможно лишь во взаимодействии людей, в их общении друг с другом, в их реакции на окружение и на среду. Самоидентификация – это процесс постоянной рефлексии сознания человека на то, что происходит вокруг него, на изменение жизненных обстоятельств, на новых людей вокруг, на его социальную мобильность, на профессиональную деятельность. В детстве, ребенок может не задумываться о том, кто он, какой национальности и на каком языке говорит, пока не попадает в свой первый социум: детский сад или школу. Там, во взаимодействии с другими детьми и учителями, он впервые начинает осознавать кто он по отношению к остальным. Особенно это актуально для поли-этнических и мультикультурных регионов. Например, в Китае языковое разнообразие идет в разрез с политикой КПК Китая, направленной на распространение государственного языка Путунхуа. Попадая в школу, дети осознают, что язык, на котором говорят в их семье, их деревне или городе, отличается от языка других детей и тем более от того языка, на котором говорят их учителя. Что касается Китая, то учителя в этой стране обязаны использовать в стенах учебных заведений только Путунхуа, а детям запрещается использовать свой родной язык даже на переменах [8].

Такие рубежные жизненные моменты помогают человеку начать свой путь самоидентификации и самоосознания. В дальнейшем, в ходе обучения в ВУЗе, которое может протекать вдалеке от дома или даже в другой стране, человек осознает себя представителем некой общности, отличной от той, где ему приходится находиться. Оказыва-

ясь за границей, человек ощущает себя представителем своей нации, носителем государственного языка и культуры. Это один из лучших способов к продвижению по пути самоидентификации и поиска своего места в системе мироустройства в уже достаточно зрелом возрасте.

Уверенность в своем «я» базируется на осознании частью чего является человек (этноса, нации, лингвистической группы, государства и т.п.). Являясь частью чего-то большего, человек не только разделяет позитивные характеристики этой общности, но и негативные стереотипы, с ней связанные. Например, сицилийцы иногда в шутку, а иногда и с некоторой горечью, говорят о том, что будучи сицилийцем трудно уйти от вопроса про мафию и в частности про Cosa Nostra, но при этом априори считается, что сицилийцы музыкальны и артистичны, с прекрасными вокальными данными от рождения. Таким образом, очевидно, что самоидентификация отдельного представителя группы тесно связана с идентификацией всех членов этой группы (этнической, лингвистической и т.п.). Безусловно, что ее внешние характеристики, на которые в первую очередь обращают внимание представители иной группы и по которым они ее идентифицируют и отличают от других в мультикультурной мозаике, оказывают сильное влияние на самосознание каждой из личностей в группе.

В рамках общности ее представители соединены между собой набором символов, кодов, черт, традиций и обычаев, языком и религией, которые связывают их и являются их условными сигналами в идентификации друг-друга и одновременно с этим, отличают их от представителей других групп.

Одним из основных связующих элементов является общий для ее представителей язык. Людвиг Витгенштейн в рамках лингвистической философии писал о слове как об основном средстве кодирования информации, рассматривая язык как форму жизни. «Границы моего языка означают границы моего мира» (5.62) [9].

Исходя из данного наблюдения, для писателя границы мира очерчиваются тем языком, на котором он пишет произведения. Перевод на другие языки, даже сделанный на высоком уровне, это всегда обеднение языка первоисточника.

Язык, и не только язык вообще, но каждый язык в отдельности, даже самый бедный и грубый, сам по себе и для себя есть предмет, заслуживающий самого пристального осмысления. Язык – это не просто, как принято говорить, отпечаток идей народа, так как множество его знаков не позволяет обнаружить никаких существующих отдельно от него идей; язык – это объединенная духовная энергия народа, чудесным образом запечатленная в определенных звуках, в этом облике и через взаимосвязь своих звуков понятная всем говорящим и возбуждающая в них примерно одинаковую энергию. Человек весь не укладывается в границы своего языка; он больше того, что можно выразить в словах; но ему приходится заключать в слова свой неуловимый дух, чтобы скрепить его чем-то, и использовать слова как опору для достижения того, что выходит за их рамки. Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее; и если вещь эта не является предметом внешнего мира, каждый [говорящий] по-своему ее создает, находя в ней ровно столько своего, сколько нужно для того, чтобы охватить и принять в себя чужую мысль. Языки – это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение; при том, что мир и воображение, постоянно создающее картину за картиной по законам подобия, остаются в целом неизменными, языки сами собой развиваются, усложняются, расширяются. Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия. Язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа... [10].

Самоидентификация человека невозможна без осознания своего родного языка, его места в системе мира. Человеку свойственно всеми силами цепляться за свой родной язык. Для людей необразованных язык имплементируется через систему устных преданий и мифов. Для образованных – это весь пласт литературы и письменных источников, созданных на родном для него языке. Даже в случае билингвизма человек склонен выбирать тот язык, который четче представ-

ляет его картину мира и соответствует его самоидентификационной матрице.

Выживаемость языка равнозначна проблеме становления самосознания нации, этнической самоидентификации. Например, для таких стран и регионов, как Каталония, Страна Басков, Шотландия, Уэльс, Ирландия и др., становление национальной идентичности началось одновременно с началом возрождения родного языка. То же самое можно наблюдать и в других регионах мира (например, в Абхазии). Для молодежи в процессе идентификации себя как части своей нации, а не наднационального государства (например, уэльсцев) важным шагом послужило изучение родного языка и расширение сфер его использования. Для стран лишь недавно добившихся независимости (Абхазия), возрождение языка стало одним из видов оружия в борьбе за право на государственность.

Проблема самоидентификации как обретение себя: личность и общество

В условиях монокультурного общества процессы самоидентификации сглажены и могут наступать в человеке позднее, чем характерно людям в мультикультурных обществах. Мультикультуризация большинства стран мира принесла с собой ускоренные и углубленные процессы самоидентификации. Человек начинает осознавать свое «само» и противопоставлять «своих» «чужим» на более ранних этапах своего развития и это чувство становится более обостренным, чем было раньше.

Оказываясь в мультикультурной среде, люди ведут себя по-разному в восприятии этой среды: некоторые «уходят в себя», стараясь найти опору в своей культуре и самоидентичности, а некоторые интегрируются достаточно легко, ощущая себя частью мозаичного общества и не выделяя на этой пестрой палитре национальных и этнических культур конкретные сегменты их представляющие.

Безусловно, что во многом данное поведение людей связано не только со средой, в которой они оказываются, но и с их собственной личностью, с ее характером и менталитетом. Например, тип людей с так называемым «легким характером»,

им зачастую характерны такие его черты как коммуникабельность, гибкость, стертость своего понимания «само». Нередко им свойственен крайне низкий уровень патриотизма (в смысле любви к своей исконной родине, которую они покинули) или вообще его отсутствие (если в своей стране им было по каким-то причинам дискомфортно, а новая родина это компенсировала). В след за слабо развитым чувством патриотизма, у таких людей очень низкий уровень национализма и шовинизма, обладание которыми в определенной мере свойственно многим. Таким образом, они не столь способны ощущать себя частью своего национального и культурного пространства и быть лояльными ему.

Для таких людей новая мультикультурная среда – это своего рода восточный базар, где не так важны отдельные личности, а важно их умение взаимодействовать и находить общий язык.

Таким людям присущи многие положительные личностные качества: широта взглядов, толерантность, открытость, коммуникабельность, простота в общении, – все это помогает им быстро интегрироваться и находить общий язык с представителями различных культур. Более того, зачастую окружающие сами тянутся к таким людям, создавая для них тем самым среду общения и взаимодействия. Это способствует тому, что таким приезжим «езде хорошо», куда бы они ни попадали, они не страдают от чувства одиночества и потери себя в чуждых культурных общностях, им не требуется ломать свои принципы и нарушать культурные рамки для того, чтобы взаимодействовать с представителями иных культур. Соответственно можно говорить о том, что их самоидентификация достаточно неглубока.

Процесс самоидентификации как тяжелый и зачастую довольно длительный, может протекать на протяжении долгого времени жизни, наращая и снижая амплитуду в зависимости от жизненных обстоятельств, сопутствующих ему. Нередко он может приобретать крайне болезненный характер у тех, для кого по тем или иным причинам оказывается очень важна их самоидентификация. Возможны ситуации, когда люди, чьи родители разных национальностей, очень часто сталкиваются с болезненной раз-

двоенностью в своей национальной самоидентичности, что может быть еще более отягощено тем, что человек проживает в стране, доминирующую национальность которой представляет один из его родителей, но при этом второй родитель требует постигать и уважать и ту национальность, представителем которой он является. Например, в армянско-русских семьях, проживающих в России, отец обычно представляет армянскую нацию, тогда как мать является русской. В такой семье ребенку проще ощущать себя русским, т.к. живя в России и самоидентифицируя себя как русского, легче встраиваться в общество, в рамках которого и будет протекать процесс самоидентификации. Однако нередко это не устраивает отца-армянина, требующего от ребенка помнить свои национальные армянские корни, а зачастую изучать армянский язык и соблюдать армянские традиции. На фоне этого в ходе становления личности ребенка могут возникать раздвоенное ощущение, процесс самоидентификации протекает болезненно, не давая ребенку легко понять свое место в системе построения общества. Еще больше ситуация может усугубиться тогда, когда молодой человек еще в начале своего становления оказывается в мультикультурной среде, где его раздвоенность усугубляется тем, что он должен интегрироваться в общество мозаичное по своей структуре, но в котором нет того сегмента, в который он легко бы вписался. Например, при эмиграции в страну и проживании в городе, где нет той этнической общины, к которой относит себя человек, необходимый повторный процесс самоидентификации в связи с новым жизненным пространством вокруг может протекать достаточно сложно и болезненно. В подобных ситуациях люди нередко пытаются идентифицировать себя в рамках религиозного или профессионального вида идентичности. Если продолжить рассматривать пример с человеком армяно-русской национальности, то такой человек может сблизиться с единоверцами из христианской общины или идентифицировать себя с тем профессиональным кругом, к которому он окажется близок по роду своей деятельности. Это позволит ему избежать чувства одиночества, отчужденности, потерянности в толпе. В

такой ситуации самоидентификация служит тем якорем, который помогает личности не дрейфовать в открытом море мультикультурного социума, а найти свое место в нем, найти ту гавань, в которой человек ищет истоки своей духовной силы и, находясь в которой, он наблюдает мир и постигает самого себя.

Вывод

На сегодняшний день можно говорить о том, что мир больше не делится на западный или восточный, христианский или мусульманский, развитый или развивающийся. Мир, который мы наблюдаем, бросает нам новые вызовы, различные по типам. Все их можно свести к одной общей производной: смешение в рамках одного общества слишком многих различных микро и макро групп (этнических, национальных, религиозных, культурных). Процессы диверсификации обществ лишь набирают обороты в ходе развивающихся региональных конфликтов, эпидемий, голода, безработицы, порождающих все новых беженцев. Все это толкает переселенцев искать лучшей доли там, где принято было жить достаточно унифицировано, и где теперь устоявшимся ценностям и традициям вызов бросают чуждые культуры и идеи.

Остановить данные процессы искусственным путем видится невозможным, однако, нужно научиться интегрировать приезжих в жизнь общества без того, чтобы «ломать» его устои, т.к. искусственная «ломка» порождает в обществе отторжение чужаков, всплеск экстремизма, национализма и ксенофобии даже там (и в особенности там), где исконно провозглашались ценности демократии, уважения прав личности, мультикультурализм и религиозная и расовая терпимость.

Перед принимающими обществами встает важная задача: научиться управлять процессами интеграции не только на макро уровне, но и на уровне индивидуального подхода к отдельным личностям, т.к. каждый человек выступает единицей – носителем культуры и традиций страны своего происхождения, и зачастую один человек способен взбудоражить не принявшее его общество и бросить ему жестокий вызов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Егорова М.А. Глобализация и евроинтеграция как вызовы этничности // Политика и общество, № 10, 2009. (с. 49-63).
2. Культура социально-этнических общностей <http://www.culturology-blog.ru/kultura-socialno-etnicheskix-obshhnostej/>
3. Buchanan, P.J. The death of the nation state / WorldNetDaily, 23.05.2006 // http://www.wnd.com/news/article.asp?ARTICLE_ID=50338
4. Papa, Controlli In Centro E A San Pietro: Presi 14 Borseggiatori / La Repubblica // <http://roma.repubblica.it/dettaglio-news/papa-controlli-in-centro-e-a-san-pietro-presi-14-borseggiatori/19189,19.03.2013>
5. Daniel Greenfield 52% of Rapes in Rome Committed by Immigrants, 59% in Milan, 40% in Italy <http://www.frontpagemag.com/2012/dgreenfield/r-of-rapes-in-rome-committed-by-immigrants-y-in-milan-in-italy/> , 26.12.2012.
6. Егорова, М.А. Проблема самоидентификации Севера Италии / Политика и общество, №8(50), 2008, С. 23-37.
7. The Westphalian Post Of Westphalia and Appomattox <https://westphalianpost.wordpress.com/tag/multikulti/> 01.05.2013.
8. Hui Yew-Foong Sinophobia smolders in Malaysia / Asia Times // http://www.atimes.com/atimes/Southeast_Asia/JJ02Ae01.html, 02.10.2008.
9. Sebastian Magnusson The dream of a common language. Popularizing Putonghua in the People's Republic of China / <http://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordId=2173016&fileId=2173024> fall 2011
10. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат http://royallib.ru/read/vitgenshteyn_lyudvig/logiko_filosofskiy_traktat.html#163840
11. Гумбольдт В. Языки философия культуры. М.: Прогресс, 1985. <http://www.litmir.net/br/?b=165828&p=105>
12. Тхор В.В. Британская мусульманская идентичность в условиях мультикультурализма // Философия и культура. – 2014. – 1. – С. 89 – 98. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.1.9815.
13. О.И. Ставцева Диалог культур на фоне кризиса мультикультурализма // Философия и культура. – 2012. – 9. – С. 173 – 179.
14. Щупленков О.В., Щупленков Н.О. Национально-культурная идентичность в контексте философской традиции диалога культур // Философская мысль. – 2013. – 10. – С. 183 – 244. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.10.8848. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_8848.html
15. П.С. Гуревич Глобализация и мультикультурализм // Философия и культура. – 2012. – 8. – С. 4 – 5.
16. А.С. оғлы Алекперов Мультикультурализм в пространстве между политикой и культурой // Философия и культура. – 2013. – 3. – С. 350 – 355. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.03.8.
17. Андреев М.В. Стратегии развития межкультурного диалога в контексте укрепления национальной безопасности: актуальные проблемы общественно-политической доктрины Западной Европы и США // Национальная безопасность / nota bene. – 2013. – 6. – С. 35 – 45. DOI: 10.7256/2073-8560.2013.6.10657.

REFERENCES

1. Egorova M.A. Globalizatsiya i evrointegratsiya kak vyzovy etnichnosti // Politika i obshchestvo, № 10, 2009. (s. 49-63).
2. Kul'tura sotsial'no-etnicheskikh obshchnostei <http://www.culturology-blog.ru/kultura-socialno-etnicheskix-obshhnostej/>
3. Buchanan, P.J. The death of the nation state / WorldNetDaily, 23.05.2006 // http://www.wnd.com/news/article.asp?ARTICLE_ID=50338
4. Papa, Controlli In Centro E A San Pietro: Presi 14 Borseggiatori / La Repubblica // <http://roma.repubblica.it/dettaglio-news/papa-controlli-in-centro-e-a-san-pietro-presi-14-borseggiatori/19189,19.03.2013>
5. Daniel Greenfield 52% of Rapes in Rome Committed by Immigrants, 59% in Milan, 40% in Italy <http://www.frontpagemag.com/2012/dgreenfield/r-of-rapes-in-rome-committed-by-immigrants-y-in-milan-in-italy/> , 26.12.2012.
6. Egorova, M.A. Problema samoidentifikatsii Severa Italii / Politika i obshchestvo, №8(50), 2008, S. 23-37.
7. The Westphalian Post Of Westphalia and Appomattox <https://westphalianpost.wordpress.com/tag/multikulti/> 01.05.2013.

8. Hui Yew-Foong Sinophobia smolders in Malaysia / Asia Times // http://www.atimes.com/atimes/Southeast_Asia/JJ02Ae01.html, 02.10.2008.
9. Sebastian Magnusson The dream of a common language. Popularizing Putonghua in the People's Republic of China / <http://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordOId=2173016&fileOId=2173024> fall 2011
10. Vitgenshtein L. Logiko-filosofskii traktat http://royallib.ru/read/vitgenshteyn_lyudvig/logiko_filosofskiy_traktat.html#163840
11. Gumbol'dt V. Yazyk i filosofiya kul'tury. M.: Progress, 1985. <http://www.litmir.net/br/?b=165828&p=105>
12. Tkhor V.V. Britanskaya musul'manskaya identichnost' v usloviyakh mul'tikul'turalizma // *Filosofiya i kul'tura*. – 2014. – 1. – С. 89 – 98. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.1.9815.
13. O.I. Stavtseva Dialog kul'tur na fone krizisa mul'tikul'turalizma // *Filosofiya i kul'tura*. – 2012. – 9. – С. 173 – 179.
14. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. Natsional'no-kul'turnaya identichnost' v kontekste filosofskoi traditsii dialoga kul'tur // *Filosofskaya mysl'* – 2013. – 10. – С. 183 – 244. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.10.8848. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_8848.html
15. P.S. Gurevich Globalizatsiya i mul'tikul'turalizm // *Filosofiya i kul'tura*. – 2012. – 8. – С. 4 – 5.
16. A.S. ogly Alekperov Mul'tikul'turalizm v prostranstve mezhdru politikoi i kul'turoi // *Filosofiya i kul'tura*. – 2013. – 3. – С. 350 – 355. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.03.8.
17. Andreev M.V. Strategii razvitiya mezhkul'turnogo dialoga v kontekste ukrepleniya natsional'noi bezopasnosti: aktual'nye problemy obshchestvenno-politicheskoi doktriny Zapadnoi Evropy i SShA // *Natsional'naya bezopasnost' / nota bene*. – 2013. – 6. – С. 35 – 45. DOI: 10.7256/2073-8560.2013.6.10657.